

В.А.Дмитриева

Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе

В статье рассматривается современная гуманитарная дипломатия Мексики как один из инструментов внешней политики. Изучая ее эволюцию в контексте внутренней и внешней политики, на базе нормативных документов, институциональной системы гуманитарной дипломатии, места Мексики в системе официальной помощи развитию и ее позиции в отношении Концепции «Ответственность по защите» (*R2P*), автор выявляет особенности современной гуманитарной дипломатии страны. Отмечается главенство внутренних интересов Мексики над гуманитарной дипломатией и внешнеполитической деятельностью. Именно внутренние проблемы государства приводят к гуманитарной активности страны в Центральной Америке. Не обладая достаточным финансированием и концентрируясь на внутренних интересах, правительство в результате ограничивает потенциал гуманитарной дипломатии как инструмента. Президент А.М.Лопес Обрадор продолжает эту линию в отношении гуманитарной дипломатии, поэтому изменение географических приоритетов и отказ от выбранных ориентиров маловероятны.

Ключевые слова: Мексика, гуманитарная дипломатия, официальная помощь развитию, международное сотрудничество, новые доноры.

DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7

Статья поступила в редакцию 27.04.2022.

В 2018 г. на президентских выборах одержал победу Андрес Мануэль Лопес Обрадор (2018 г. — н/в), пообещавший во время избирательной кампании сконцентрироваться на решении внутренних проблем страны. Заявленные изменения внешнеполитического курса способствовали росту исследований подхода текущего правительства к позиционированию государства на международной арене. К 2018 г. было написано несколько серьезных работ по общей внешней политике страны. Перечислим некоторые

Валентина Андреевна Дмитриева — выпускница, магистр, факультет управления и политики, МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-9202-6691>, valentina_dmitrieva@bk.ru).

из них: статья профессора Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Виктора Хейфеца и старшего преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения Арели Роблес Эррера [1]; коллективный труд сотрудников Института Латинской Америки Российской Академии Наук (ИЛА РАН) [2]; работа видных мексиканских ученых Аны Коваррубиас (Колехио де Мехико) и Хорхе Скьявона (Центр экономических исследований и обучения) [3]) и статьи по отдельным направлениям внешней политики Мексики, написанные А.Коваррубиас [4], Оксаной Катышевой, Ольгой Андриановой [5; 6], Лилией Хадорич [7] (СПбГУ), Екатериной Косевич (ВШЭ-ИЛА РАН) [8; 9]. После 2018 г. проводились исследования, связанные с текущим этапом развития внешней политики страны, направленные на сравнение заявленных в ходе избирательной кампании приоритетов и реальных результатов [10], определение целей внешней политики нового правительства [11]. Профессор Автономного университета Пуэблы Хуан Пабло Прадо Лальанде, в свою очередь, обратился к анализу значимости внешнеполитического курса для правительства А.М.Лопеса Обрадора [12].

Х.П.Прадо Лальанде отмечает, что внешняя политика государства связана с международным сотрудничеством в целях развития, в зависимости от отношений, установленных между двумя системами, уровня координации действий и подчинения [12]. Выявленную ученым связь можно обнаружить в ст. 89 (раздел X) Конституции страны, где указано, что внешняя политика Мексики основывается на принципах самоопределения народов, невмешательства во внутренние дела других государств, отказа от угроз или использования силы в международных отношениях, юридического равенства государств, содействия установлению мира и безопасности через мирное разрешение споров, а также на международном сотрудничестве в целях развития [13].

Отметим, что система международного сотрудничества в целях развития Мексики изучается, в основном, зарубежными исследователями [14; 15; 16]. В российской историографии заметен пробел в изучении данной сферы. В связи с этим автор данной статьи ставит целью определить особенности эволюции и текущего подхода Мексики к международному сотрудничеству в целях развития.

ПОНЯТИЕ «ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Сотрудничество в целях развития является частью международной гуманитарной кооперации. Оно превратилось в важный инструмент внешнеполитического влияния, так как на современном этапе возникает множество транснациональных гуманитарных вызовов, требующих совместной реакции разных стран [16; 17]. В рамках западного подхода гуманитарное сотрудничество трактуется узко: помощь в целях содействия развитию и гуманитарная помощь во время конфликтов, природных бедствий и крупных социальных катастроф (например, пандемий). В России, по оценке специалиста в области публичной дипломатии Анны Великой, гуманитарное сотрудничество понимается шире и включает в себя контакты в сфере науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций [17, с. 66]. Эти два подхода можно обозначить специальными понятиями: «гуманитарная ди-

пломатия» — более применимое на Западе, и «социально-гуманитарное сотрудничество» — термин, определяющий российский подход [18, с. 21].

Применительно к Мексике международное сотрудничество в целях развития трактуется практически, как на Западе, поэтому автор данной статьи предлагает характеризовать эту составляющую внешней политики как «гуманитарную дипломатию» Мексики. Само понятие гуманитарной дипломатии появилось в научных работах в 2000-х годах, но общего определения у этого понятия до сих пор нет. Согласно исследованию старшего советника по обучению Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Фелиппе Ренье, насчитывается 89 различных определений указанного термина [19, р. 1213]. Некоторые исследователи [16; 20; 21] говорят о существовании гуманитарной дипломатии государств, но консенсуса относительно целей ее применения нет. Так, российская исследовательница Елизавета Громогласова пишет об использовании данного инструмента для решения транснациональных гуманитарных вызовов [16, с. 6], а аспирантка Русенского университета им. Ангела Кынчева Джерен Уркан указывает на иные возможные причины применения гуманитарной дипломатии помимо гуманистического порыва правительства [22], тогда как доцент Университета Квинсленда Хасинта О'Хаган подчеркивает, что гуманитарная дипломатия способствует улучшению международной репутации и укреплению отношений между государствами [23].

В данной статье гуманитарная дипломатия рассматривается как инструмент внешней политики, позволяющий выразить международное сочувствие и солидарность, который способствует укреплению репутации государства и установлению двусторонних доверительных отношений. Автор использует этот термин, чтобы подчеркнуть, что Мексика является субъектом, осуществляющим гуманитарную дипломатию в отношении тех или иных стран, при этом сама оставаясь объектом воздействия дипломатии других государств.

Гуманитарная дипломатия Мексики рассматривается в контексте национальной внешней политики. Автор применяет метод кейсов для выявления особенностей использования страной данного инструмента на современном этапе. В статье рассмотрены элементы и характеристики системы гуманитарной дипломатии: особенности странового развития, влияющие на гуманитарную повестку государства; эволюция способов применения данного инструмента; нормативно-институциональное закрепление гуманитарной деятельности государства; место Мексики в системе официальной помощи развитию (ОПР) (является ли страна донором, реципиентом или же выполняет обе функции); основные направления ее деятельности в этой сфере; позиция страны в отношении спорной гуманитарной концепции «Ответственность по защите» (*Responsibility to Protect, R2P*).

МЕСТО ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКИ В РАЗВИТИИ СТРАНЫ

Для Мексики еще с 1970-х годов серьезным вызовом остаются значительные миграционные потоки из нее и государств Центральной Америки в США [14, р. 18]. Внимание властей к данному вопросу обусловлено высокой миграционной нагрузкой на инфраструктуры Мексики, заметным

оттоком населения и влиянием этой проблемы на внешнюю политику США. Соединенные Штаты, где проживает мексиканская диаспора (97% всех живущих за рубежом мексиканцев) [24, р. 40], проводят жесткую миграционную политику, заставляющую официальный Мехико решительно действовать против миграционного потока, чтобы не допустить ухудшения двусторонних отношений с северным соседом. В то же время В.Л.Хейфец отмечает различия в подходе к миграционной проблеме: если США главным образом озабочены рисками для собственной безопасности, то власти Мексики указывают на слабый уровень социально-экономического развития стран Центральной Америки, поэтому последние считают необходимым обеспечить содействие международному развитию стран происхождения мигрантов для сокращения миграционных потоков [10, сс. 187-188].

В Мексике много и иных социально-экономических вызовов: высокий уровень организованной преступности и наркоторговли (в некоторых случаях наркокартели способны вытеснять официальные органы власти на отдельных территориях [25; 26]), региональное и социально-экономическое расслоение населения, коррупция, низкий уровень грамотности среди коренного населения. Эти вызовы приводят к росту бедности, появлению менее развитых регионов (в основном на юго-западе) и нарушению прав человека. Серьезной проблемой является тот факт, что Мексика находится в сейсмоактивном регионе. Относительная неспособность правительства адекватно реагировать на природные катастрофы ухудшает ситуацию, усиливая риск природных бедствий [27].

Географическая близость к США приводит к тому, что Мексика в периоды сближения с соседним государством не может абстрагироваться от гуманитарного дискурса: так, в начале XXI в. она занимала активную позицию по продвижению прав человека, следуя в фарватере внешней политики США, надеясь, что подобное сближение поможет ей выйти на уровень высокоразвитых соседей — США и Канады [1, с. 140].

Внутренние гуманитарные и социально-экономические вызовы и важность дискурса в сфере прав человека — не единственные причины активизации гуманитарной дипломатии Мексики. Зависимость от внешней политики Вашингтона, желание в то же время проводить политику невмешательства и уважения суверенитета (часто оборачивавшееся самоустранением от реальных проблем других регионов), «доктрина Тельо»* создавали Мехико проблемы в вопросах повышения статуса страны на международной арене традиционными путями (например, через систему ООН). Активизация в ООН дискурса о международном развитии Юга, по оценке Х.П.Прадо Лальянде и Л.Бильбао, стимулировала идею об увеличении престижа Мексики путем гуманитарной дипломатии [28, р. 40].

Гуманитарная дипломатия Мексики как внешнеполитический инструмент прошла несколько этапов развития. Хронологические рамки данных

* «Доктрина Тельо» — доктрина, разработанная постоянным представителем Мексики при ООН Мануэлем Тельо Барраудом. Предполагалось, что вхождение Мексики в Совет Безопасности ООН (СБ ООН) будет означать вовлечение страны в конфликты, представляющие маргинальный национальный интерес, который будет порождать спорные моменты в отношениях с США [2, с. 297].

этапов не идентичны ключевым этапам внутренней и внешней политики страны, так как указанный инструмент не используется правительством в качестве основного, следовательно, не подстраивается под все изменения внутренней и внешней политики государства.

На первом этапе (1970—1985 гг.) гуманитарная дипломатия начала оформляться как инструмент внешней политики. Если на международной арене к 1970 г. Мексика благодаря «доктрине Эстрады»* сохраняла отношения с социалистической Кубой, странами Восточного блока и рядом иных государств, то во внутренней политике правительство президента Луиса Эчеверриа Альвареса (1970—1976 гг.) столкнулось с масштабным политическим кризисом, теряя свое влияние среди населения ввиду распространения социальных протестов и активизации левой оппозиции. Продолжая вести «грязную войну» под предлогом борьбы с наркоторговлей [29], правительство разными способами пыталось повысить свою популярность: были открыты новые учебные классы, осуществлены инвестиции в кинематографическую сферу. Но все это не принесло желаемого результата. Правительство стремилось скрывать от внешнего мира пытки, убийства и похищения в рамках попыток физической ликвидации оппозиции и для этого запустило международную кампанию, нацеленную на повышение престижа и влияния Мексики [30, с. 318]. Благодаря этой кампании укрепились отношения с другими государствами, в том числе со странами «третьего мира». В 1971 г. в составе министерства иностранных дел появилась первая структура, занимавшаяся как входящими потоками средств от двусторонних партнеров и агентств, так и программой предоставления пакетов помощи самой Мексикой, — Генеральный директорат по международному сотрудничеству. Он занимался обсуждением и внедрением соглашений, координацией выдачи стипендий и технических и научных обменов [14, р. 22]. В этот период Мексика приняла тысячи уругвайских, аргентинских и чилийских эмигрантов, спасавшихся от реакционных диктатур [30, с. 318].

На втором этапе (1985—1998 гг.) Мексика начала выступать в качестве донора помощи содействия развитию. В Центральной Америке, где наблюдалось снижение уровня безопасности населения, гуманитарная дипломатия использовалась правительством Мексики для обеспечения национальных интересов и в качестве дополнительного инструмента борьбы с притоком беженцев [15]. В 1985 г. была учреждена должность Главы международного сотрудничества, а после землетрясения в Мехико был создан Международный комитет по координации гуманитарной помощи [31].

В 1988 г. в стране состоялись очередные выборы, принесшие формальную победу Карлосу Салинасу де Гортари (1988—1994 гг.), легитимность которой, однако, признавали не все сограждане. На фоне длительного экономического кризиса, коренных изменений на международной арене и увеличения влияния США власти страны начали проводить политику неолиберализма [30, с. 325]. В 1988 г. была внесена поправка в ст. 89 Кон-

* «Доктрина Эстрады» — доктрина, разработанная министром иностранных дел Хенаро Эстрадой в 1930-х годах, предполагает, что в случае смены правительства в другой стране власти Мексики не занимаются вопросами признания, а ограничиваются сохранением или разрывом дипломатических отношений [2, с. 296].

ституции, в которой было формализовано международное сотрудничество в качестве ведущего принципа внешней политики [14]. Страна сконцентрировалась на укреплении отношений с США и Канадой, в 1994 г. вступила в Североамериканскую зону свободной торговли (*Northern American Free Trade Association, NAFTA*), надеясь стимулировать экономическое развитие. Однако это сближение привело только к обострению внутривнутриполитической обстановки, усилению миграции и осложнению отношений с латиноамериканскими государствами [1, с. 140].

На третьем этапе (1998—2004 гг.) в МИД был учрежден новый децентрализованный орган — Мексиканский институт по сотрудничеству в целях развития, осуществлявший деятельность, схожую с работой Генерального директората. От Генерального директората вышеупомянутый институт отличался тем, что в нем было четыре отдела по сотрудничеству — техническому и научному, экономическому, в сфере культуры и образования, а также с Центральной Америкой и странами Карибского бассейна. В этот период был намечен курс на активизацию контактов со странами-соседами, отношения с которыми складывались не лучшим образом в период 1990-х годов. Однако в 2000 г. в результате прихода к власти Висенте Фокса Кесады (2000—2006 гг.), представлявшего оппозиционную Партию национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*) и объявившего о начале борьбы с коррупцией, Мексиканский институт по сотрудничеству в целях развития был расформирован, а его отделы перемещены в структуру МИД. На этот период пришелся пик перемен и во внешней политике, которую правительство В.Фокса стремилось осовременить. Страна отказалась от «доктрины Тельо» в пользу так называемой «доктрины Кастаньеды»* и вошла в СБ ООН в качестве непостоянного члена [2, с. 299]. Несмотря на активность в Совете Безопасности и попытки действовать отдельно от США, как отмечают В.Л.Хейфец и А.Роблес Эррера, правительство не было готово к разрушению отношений со своим северным партнером, поэтому ряд решений принимался с учетом потенциальной реакции Вашингтона [1, сс. 140-141]. В этот период наметился приоритет вопроса прав человека, важного для положительного отношения со стороны США [2, с. 298]. В контексте рассмотрения вопроса о развитии гуманитарной дипломатии следует подчеркнуть, что, несмотря на расформирование Мексиканского института, сотрудничеству с Центральной Америкой продолжало уделяться заметное внимание. Так, в 2001 г. был принят План «Пуэбла-Панама» (*Plan Puebla Panamá, PPP*) для развития стран Центральной Америки [2, с. 271]. Проекты для PPP финансировались Мексикой и другими партнерами. В 2002 г. в г. Монтеррей была проведена конференция по вопросам финансирования в целях развития [32, р. 35].

На четвертом этапе (2004—2011 гг.) противоречия со странами Латинской Америки продолжили усугубляться. В 2005 г. обострились отношения с Венесуэлой [1, с. 141]. В Мексике нарастали социально-экономические

* «Доктрина Кастаньеды» — внешнеполитическая линия, которую в 2000–2003 гг. осуществлял министр иностранных дел Хорхе Кастаньеда Гутман. Она заключалась в возросшей активности Мексики на международной арене и участии в международных форумах. По словам критиков, эта линия приводила к неоднозначным последствиям внутри страны [2, с. 299].

проблемы, правительство Ф.Кальдерона (2006—2012 гг.) объявило войну наркотрафику. Постепенное ухудшение отношений с другими странами, в особенности с соседями, подтолкнуло правительство к мысли о необходимости расширения региональных приоритетов. Мексика активизировала политику на Ближнем Востоке, выделив этот регион в качестве важной области внешней политики [6, с. 134]. В 2008 г. *PPP* был трансформирован в Проект интеграции и развития Месоамерики (*Proyecto de Integración y Desarrollo de Mesoamérica, PM*), в который вошло большее число стран региона. В МИД был создан отдел экономических отношений и международного сотрудничества, включивший в себя бывший Генеральный директорат. На этом этапе Мексика сотрудничала с США в деле борьбы с распространением вируса *H1N1* («свиной грипп») и оказания совместной помощи в зоне природных бедствий в странах Центральной Америки и Карибского бассейна [7, с. 43]. Мировой экономический кризис 2008—2009 гг., потерявшая значительную степень автономии внешняя политика, ухудшение отношений с латиноамериканскими соседями и внутренние социально-экономические проблемы государства подтолкнули правительство к изменению внешнеполитической линии. В 2009—2010 гг. Мексике вновь удалось занять место в СБ ООН; в это время также наметилась потребность в возвращении влияния страны не только в Центральной, но и в Латинской Америке [8, сс. 54-57].

Современный этап гуманитарной дипломатии Мексики начался в 2011 г. в результате принятия нового закона о международном сотрудничестве. В рамках этого этапа состоялись институционализация процесса оказания и получения помощи, трансформация и модернизация системы международного сотрудничества [14, pp. 36-40]. Эти изменения стали отправным пунктом реформы внешней политики после возвращения к власти Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) и начала президентского срока Энрике Пеньи Нето (2012—2018 гг.), который отмечал, что Мексика должна стать страной, участвующей в мировых делах «посредством идей и предложений». В 2013 г. наметился новый курс — постепенное сближение с КНР и расширение круга тем, важных для внешней политики Мексики. Страна активно участвовала в создании Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*) [7, с. 44]. Хотя Мексика усилила взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, государствами Ближнего Востока и продолжала выполнение обязательств в рамках проекта Месоамерики, внутренние проблемы (девальвация песо, продолжавшийся рост насилия и отсутствие экономического роста) привели к тому, что в 2013—2019 гг. она была вынуждена сократить объем гуманитарной помощи, официальной помощи развитию и взносов в международные организации. Так, в 2019 г. размер выделенных на гуманитарную дипломатию средств оказался более чем в пять раз ниже, чем в 2013 г. [33; 34, сс. 48-54].

Приход к власти в 2018 г. левого Движения национального возрождения (*Movimiento Regeneración Nacional, MORENA*) должен был привести к формированию нового подхода к использованию гуманитарной дипломатии. Однако этого не произошло: президент А.М.Лопес Обрадор объявил о необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах. Отмечается преемственность в вопросах принятия мигрантов и предоставления политического убежища: сохранялись лагеря для мигрантов [35], убежище по-

лучил экс-президент Боливии Эво Моралес (2006—2019 гг.) [36]. Стало окончательно ясно, что решение миграционного вопроса невозможно без действия развитию депрессивным районам самой Мексики и странам Центральной Америки и без поддержки США [10, сс. 187-188], поэтому можно ожидать от правительства возвращения к гуманитарной дипломатии. Еще одним толчком к развитию стала пандемия коронавируса, в рамках которой Мексика получила шанс восстановить свое положение в Центральной Америке. Найдя возможность закупить несколько типов вакцин, страна организовала совместное с Аргентиной производство вакцин *AstraZeneca* для Центральной Америки, а также привлекла к сотрудничеству Японию, вместе с которой предоставила государствам региона средства индивидуальной защиты [24].

Несмотря на стремление сосредоточиться на внутренних проблемах, Мексика в 2021 г. вновь стала непостоянным членом СБ ООН (на два года), возглавив его [37], что свидетельствовало о том, что после пандемии Мехико намеревался сосредоточиться и на внешней политике. Страна продолжала следовать «доктрине Эстрады», не вмешиваясь в вопросы смены правительств, но при этом подчеркивая свое право сохранять или разрывать дипломатические отношения, например, с президентом Венесуэлы Николасом Мадуро (2013 г. — н/в) [10, с. 192], приглашенным на инаугурацию А.М.Лопеса Обрадора.

Гуманитарная дипломатия как инструмент внешней политики все эти годы зависела от внутреннего развития страны и внешнего влияния США и являлась средством восстановления дружеских отношений со странами, утратившими ранее доверие к Мексике. Этот инструмент является ключом не только к повышению авторитета страны, но и к разрешению внутренних гуманитарных проблем, поэтому в ближайшем будущем Мексика не планирует от него отказываться. Однако прогнозировать потенциальные изменения подхода к гуманитарной дипломатии в будущем не представляется возможным.

НОРМАТИВНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Для изучения гуманитарной дипломатии Мексики особое значение имеют два документа: Программа международного сотрудничества в целях развития (*Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo, PROCID*) 2021 г. и Закон о международном сотрудничестве в целях развития (*Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo, LCID*) 2011 г. В законе определены институциональные рамки гуманитарной дипломатии Мексики и ее теоретические аспекты. Страна определена и как донор, и как реципиент. Это подтверждается и тем фактом, что Мексика до сих пор фигурирует в списке реципиентов официальной помощи развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [38]. В законе международное сотрудничество в целях развития рассматривается широко: в него включено культурное сотрудничество [13], которое традиционно не входит в понимание гуманитарной дипломатии, а является частью социально-гуманитарного сотрудничества. Тем не менее кооперация в культурной сфере остается второстепенной для решения внутренних проблем государства, поэтому следует говорить о том, что Мексика в качестве инструмента внешней политики занимается именно гуманитарной дипломатией, отодвигая культурные

вопросы на задний план. В программе указаны 11 принципов международного сотрудничества в целях развития Мексики (см. рис. 1).

Рис. 1. 11 ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕКСИКИ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

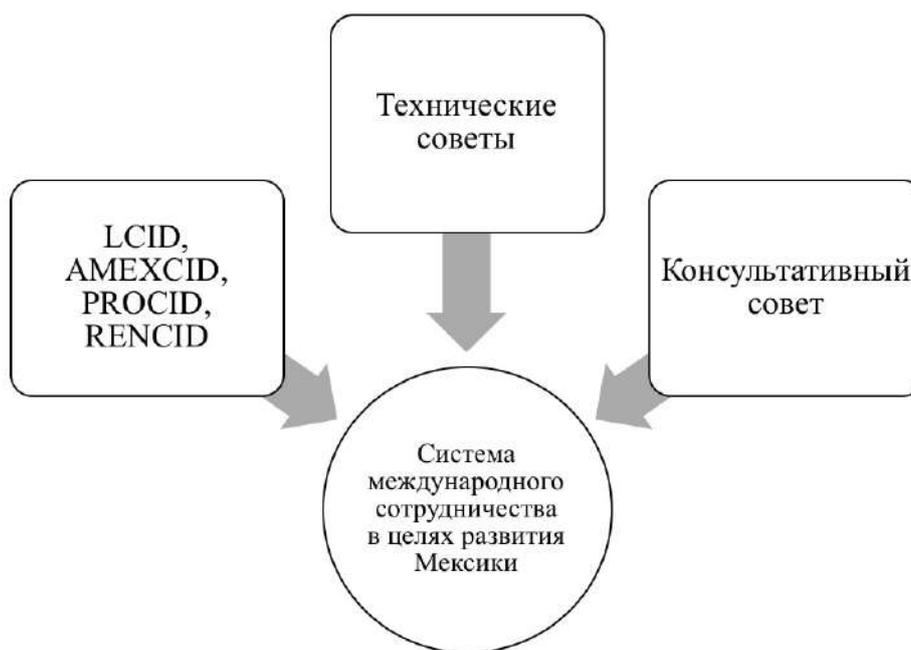
Источник: составлено автором на основе PROCID [13].

LCID закрепил институциональную систему гуманитарной дипломатии страны, состоящую из Мексиканского агентства по международному сотрудничеству в целях развития (*Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo, AMEXCID*); Национального регистра международного сотрудничества в целях развития (*Registro Nacional de Cooperación Internacional para el Desarrollo, RENCID*); Национального фонда международного сотрудничества в целях развития (*Fondo Nacional de Cooperación Internacional para el Desarrollo, FONCID*); PROCID. Последняя представляет собой систему международного сотрудничества Мексики в целях развития в следующем виде (см. рис. 2), определяя четыре столпа системы как правовой (LCID), институциональный (AMEXCID), стратегический (PROCID), статистический (RENCID) столпы [13].

Основным институтом гуманитарной дипломатии Мексики является децентрализованное AMEXCID. Агентство координирует действия по международному сотрудничеству в целях развития и создает необходимые инструменты для планирования, мониторинга и оценки такой кооперации [39]. AMEXCID занимается не только донорской деятельностью, но и контролирует получение

помощи и средств. Именно оно при участии МИД выполняет соглашения федеральных правительств, муниципалитетов, университетов, исследовательских институтов. Агентство также управляет *RENCID* и Информационной системой международного сотрудничества для развития [40].

Рис. 2. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ МЕКСИКИ

Источник: составлено автором на основе *PROCID* [13].

По оценке ряда экспертов, принятие *LCID* является важным шагом для развития всей системы гуманитарной дипломатии [41]. Благодаря созданию специальных органов появляется возможность централизованно отправлять и получать все пакеты помощи [41]. Высока значимость этого документа для борьбы с коррупцией, так как при существовании единого органа сложнее использовать полученные средства в личных целях. В то же время любое расширение зон сотрудничества в будущем требует принятия поправок к закону, кроме того, система не предусматривает обязательного наблюдения за успехом внедряемых программ развития. Вопрос оценки результатов проекта необходимо проработать [41].

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: МЕСТО, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Будучи членом ОЭСР с 1994 г., Мексика остается наблюдателем в Комитете по содействию развитию (КСР) и отправляет туда статистику по официальной

помощи [42]. Методология отчетности для *AMEXCID* была разработана при поддержке КСР ОЭСР. Мексика согласна с рекомендациями участников Совета по сотрудничеству в целях развития по управлению риском коррупции ОЭСР и рекомендациями участников Совета по согласованности политики для устойчивого развития ОЭСР. В 2019 г. страна принимала участие в диалоге стран Латинской Америки и Карибских островов в КСР ОЭСР [43].

Неготовность Мексики полностью присоединиться к КСР ОЭСР может быть обусловлена рекомендациями комитета в отношении оказания помощи: высокий процент несвязанной помощи (не ограничивающей закупки компаниями в стране-доноре или небольшой группе стран), как минимум 86% грант-элемента в предоставляемой помощи, пожертвования наиболее бедным странам, стандарты вовлечения гражданского общества [44]. Данные рекомендации могут создавать трудности в использовании гуманитарной дипломатии для продвижения национальных интересов, в особенности в регионе Центральной Америки.

Направления гуманитарной деятельности Мексики, закреплённые в *PROCID*, подтверждают ориентацию на внутренние проблемы государства. Это прослеживается в направлениях гуманитарной деятельности, отраженных в пяти приоритетных целях на 2021—2024 гг.:

- внести вклад в достижение общих целей внутренней политики в вопросах мира, демократического государства и верховенства закона, социального благополучия и экономического развития населения Мексики, используя полученную международную помощь;

- убедиться в том, что политика в сфере международного сотрудничества для развития способствует устойчивому человеческому развитию населения государств-партнеров, с приоритетом стран Центральной Америки и Карибского бассейна;

- внести вклад в выполнение региональных и глобальных повесток дня в целях развития через активное участие в форумах и механизмах сотрудничества;

- усилить эффективное управление международным сотрудничеством для развития через институционализацию инструментов, методов и возможностей услуг национальной системы международного сотрудничества для развития;

- продвигать страну через культурную дипломатию, а также ее экономику и туризм для усиления экономического роста и повышения авторитета Мексики [13].

Стремление внести вклад в достижение целей внутренней политики влияет на выбор приоритетных стран и видов оказания помощи. Так, ввиду заинтересованности в регионе Центральной Америки Мексика концентрируется на проектах Юг — Юг. В этом регионе для борьбы с высокими уровнями миграции и преступности реализуется ранее упомянутый проект *PM*, охватывающий Мексику, Гватемалу, Гондурас и Сальвадор, Белиз, Колумбию, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму и Доминиканскую Республику. Большая часть проектов сконцентрирована на странах так называемого Северного треугольника — Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре, что связано с миграционными потоками из этих стран. Поскольку Мексика видит причины миграции в низком уровне социально-экономического развития, данные проекты затрагивают сферы инфраструктуры, образования, здравоохране-

ния, науки, технологий и инноваций. Другим вызовом в этом регионе являются природные бедствия, поэтому осуществляются проекты в сфере окружающей среды, борьбы с изменением климата и системы управления рисками природных катастроф [45]. Отсутствие средств и экономические трудности приводят к тому, что для разрешения проблем Мексика вынуждена прибегать к трехстороннему сотрудничеству*. В финансировании помогают кооперационные фонды: Фонд Мексики для международного сотрудничества для развития с Иберо-Америкой (*Fondo mexicano de Cooperación internacional para el desarrollo con Iberoamérica*); Мексиканско-испанский фонд (*Fondo México-España*); Мексиканско-уругвайский фонд (*Fondo México—Uruguay*); Мексиканско-чилийский фонд (*Fondo México—Chile*) и др. Мексика также сотрудничает со странами Северной Америки и государствами, входящими в *AP*, — Колумбией, Чили и Перу [13].

Как было отмечено выше, мексиканское правительство не уделяет серьезного внимания процессу усиления влияния страны в мире путем налаживания сотрудничества в таких сферах, как культура, экономика и туризм, поскольку это не направлено на решение внутренних проблем Мексики.

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ»: НАРУШЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА ИЛИ БУДУЩАЯ НОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА?

Концепция «Ответственность по защите» (*R2P*) в качестве принципа гуманитарной деятельности появилась в 2005 г. после принятия итогового документа Всемирного саммита ООН. Тем не менее ряд стран настроен скептически и не считает ее частью гуманитарной повестки.

Отношение Мексики к концепции часто рассматривается авторами в ретроспективе. Страна на протяжении веков придерживалась осторожной дипломатии, следуя так называемой доктрине Хуареса**. Это правило закрепились в Конституции в качестве ключевых принципов мексиканской внешней политики. Важно отметить, что, хотя в 1940-х годах и была возможность трансформировать закрепившийся статус-кво, Мексике не удалось этого сделать до начала XXI в. [32], так как страна руководствовалась «доктриной Тельо» и «доктриной Эстрады», предпочитая сохранять статус-кво в отношении центрального международного института — СБ ООН.

Изменение подхода к внешней политике было связано с переориентированием на США, приходом к власти *PAN* и отказом от «доктрины Тельо» и «доктрины Эстрады». Популяризация дискурса о правах человека не могла не затронуть вопрос гуманитарных интервенций и концепции *R2P*. В 2003 г. важный партнер страны, США, вторгся в Ирак, что привело к тому, что в СБ ООН Мексика оказалась в трудном положении: с одной стороны, принципы невмешательства, запрещающие гуманитарные интервенции, с

* Трехстороннее сотрудничество реализуется между двумя и более развивающимися странами (где одна является реципиентом, а другая — донором) и традиционным донором в лице развитого государства или международной организации.

** Суть доктрины Бенито Хуареса (президента Мексики в 1858—1872 гг.) — принцип невмешательства во внутренние дела, мирное разрешение конфликтов и мирное сосуществование.

другой — благосклонное отношение США, торговые обязательства и экономическое развитие. Ввиду предстоявших выборов имело значение общественное мнение, а население оказалось негативно настроено к действиям США и даже направило В.Фоксу петицию [46; 47; 48]. В итоге Мексика сохранила антивоенную позицию [18; 49].

Однако ввиду популяризации дискурса о правах человека, возникновения внутренних проблем, связанных с наркокартелями, Мексика постепенно начинает пересматривать отношение к гуманитарным интервенциям. Она представила свое видение концепции *R2P*, а в 2009 г. стала одним из 67 соавторов резолюции 63/308 Генеральной Ассамблеи «Ответственность по защите», в которой была поддержана концепция *R2P* и предложены конкретные способы ее продвижения. Мексика старалась подтвердить свою приверженность правам человека, при этом отвлечь внимание от подобных проблем внутри страны, утверждая, что эти нарушения совершаются исключительно наркокартелями. Для Мексики было важно противостоять влиянию в СБ ООН Бразилии, активно участвовавшей в дебатах о *R2P*. Параллельно с этим Мексика активно поддерживала миротворческие операции [32], а в 2016 г. приняла решение к ним присоединиться [7, с. 43]. Когда против Мексики подали заявление в Международный уголовный суд, страна сократила поддержку *R2P*, поддержала концепцию Бразилии, с которой ранее спорила. Однако полностью Мексика не отказалась от концепции, надеясь модифицировать ее таким образом, чтобы не стать ее жертвой [50].

Таким образом, можно сделать вывод, что гуманитарная дипломатия Мексики имеет несколько ключевых особенностей. Прежде всего, определяющим фактором для выбора стран и секторов помощи являются внутренние проблемы и национальные интересы Мексики. При этом главным вызовом для страны можно считать большие миграционные потоки из самой Мексики и стран «Северного треугольника» в США. Первоочередность решения внутривнутриполитических и социально-экономических проблем препятствует осуществлению культурного аспекта сотрудничества, закрепленного в качестве одного из приоритетов в *PROCID*, что приводит к ограничению использования гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики.

В ходе исследования показано, что гуманитарная дипломатия Мексики подкрепляется комплексной современной нормативно-институциональной базой, которая соответствует основным внутривнутриполитическим задачам и упрощает использование этого инструмента (противодействие коррупции, видимость всех входящих и исходящих потоков помощи). Тем не менее у существующей системы есть и недостатки, например, отсутствие возможности контролировать осуществление проектов и оценивать их эффективность после реализации, что свидетельствует о необходимости усовершенствования нормативно-институциональной базы.

Внутренние проблемы также являются одной из причин недостаточной гибкости гуманитарной дипломатии как инструмента. Так, социально-экономическое расслоение, существование более бедных регионов в стране и уязвимость перед природными катастрофами препятствуют отказу от роли реципиента гуманитарной помощи и помощи в целях содействия развитию. Недостаток финансирования ставит Мексику в зависимость от проектов трехстороннего

сотрудничества. Экономические проблемы в совокупности с использованием гуманитарной дипломатии для продвижения национальных интересов приводят к невозможности на нынешнем этапе присоединиться к КСР ОЭСР.

Очевидно, что одним из центральных пунктов курса Мексики можно считать права человека, что выражается в предоставлении политического убежища и участии в разработке концепции *R2P*. Однако повышенное внимание этому вопросу уделяется не из гуманистического порыва государства, а с целью отвлечь внимание международного сообщества от внутренних проблем.

В результате ориентация властей Мексики на решение внутренних проблем приводит к ограничению потенциала использования инструмента гуманитарной дипломатии для повышения влияния страны в мире. Однако в ближайшее время представляется маловероятным отказ от ориентиров, выработанных в связи с нуждами внутренней политики, и расширение географического потенциала стран ввиду ряда таких факторов, как политические цели правительства А.М.Лопеса Обрадора, нехватка финансовых средств и наличие внутренних проблем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Роблес Эррера А. Между США и миром: внешняя политика Мексики в XXI веке. *Актуальные проблемы экономики и управления*. СПб., 2014, №2 (2), сс. 139-146. [Jeifets V.L., Robles Herrera A. Mezhdru SShA i mirom: vneshnjaja politika Meksiki v XXI veke. [Between the USA and the world: Mexico's foreign policy in XXI century] *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija*. St. Petersburg, 2014, N 2 (2), pp. 139-146 (In Russ.).]
2. Мексика: парадоксы глобализации. Под ред. В.М. Давыдова. М., ИЛА РАН, 2013, 336 с. [Meksika: paradoksy globalizacii. [Mexico: paradoxes of modernization] Ed. V.M. Davydov. Moscow, ILA RAN, 2013, 336 p.]
3. Covarrubias A., Schiavon. J.A. In search of international influence: Mexico as an entrepreneurial power. *International Journal. Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2018, Vol. 73(4), pp. 535-553.
4. Covarrubias A. Containing Brazil: Mexico's Response to the Rise of Brazil. *Bulletin of Latin American Research*, 2016, Vol. 35, N 1, pp. 49-63.
5. Катышева О.В., Андрианова О.В. Азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Мексики на современном этапе. *Латинская Америка*. М., 2015, №11, сс. 40-49. [Katyshcheva O.V., Andrianova O.V. Aziatsko-tihookeanskij vektor vneshnej politiki Meksiki na sovremennom jetape. [Asia-Pacific vector of Mexico's foreign policy at the present stage] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 11, pp. 40-49 (In Russ.).]
6. Катышева О.В. Ближний Восток и Мексика: персоналии или стратегия? *Клио*. СПб., 2016, №3(111), сс. 133-138. [Katyshcheva O.V. Blizhnij Vostok i Meksika: personalii ili strategija? [Middle East and Mexico: personalities or strategy?] *Klio*. St. Petersburg, 2016, N 3(111), pp. 133-138 (In Russ.).]
7. Катышева О.В., Хадорич Л.В. Североамериканское направление внешней политики Мексики в начале XXI века. *Латинская Америка*. М., 2018, №4, сс. 37-51. [Katyshcheva O.V., Khadorich L.V. Severoamerikanskoe napravlenie vneshnej politiki Meksiki v nachale XXI veka. [North American Dimension of Mexican Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 4, pp. 37-51 (In Russ.).]
8. Косевич Е.Ю. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке. *Латинская Америка*. М., 2018, №8, сс. 48-62. [Kosevich E. Yu. Novye podhody Meksiki k integracionnym processam v Latinskoj Amerike. [New approaches of Mexico to the integration processes in Latin America] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 8, pp. 48-62 (In Russ.).]
9. Косевич Е.Ю. Мексика и реформа Совета Безопасности ООН: традиции, преемственность и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. М., 2018, 8(5), сс. 84-92. [Kosevich E. Yu. Meksika i reforma Soveta Bezopasnosti OON: tradicii, preemstvennost' i perspektivy. [Mexico and reform of the United Nations Security Council: tradi-

tions, continuity and perspectives] *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. Moscow, 2018, N 8(5), pp. 84-92 (In Russ.).

10. Хейфец В.Л. Внешняя политика А.М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии. *Вестник Московского Университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. М., 2021, №2, сс. 171-202. [Jeifets V.L. Vneshnjaja politika A.M. Lopesa Obradora: deklaracii i realii. [Foreign policy of A.M. López Obrador: Declarations and reality] *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. Moscow, 2021, N 2, pp. 171-202 (In Russ.).

11. Косевич Е.Ю. Новые ориентиры внешней политики Мексики. *Латинская Америка*. М., 2019, №9, сс. 23-37. [Kosevich E. Yu. Novye orientiry vneshnej politiki Meksiki. [New orientations of Mexico's foreign policy] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 9, pp. 23-37 (In Russ.).

12. Prado Lallande J.P. La política exterior Mexicana del presidente Andrés Manuel López Obrador: Ascendente relevancia vs estricta selectividad en tiempos de la 4-a transformación. *Латинская Америка*. М., 2021, № 7, pp. 53-68.

13. Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021-2024. Secretaría de Relaciones Exteriores. 2021. Available at: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5639308&fecha=24/12/2021#gsc.tab=0 (accessed: 20.02.2022).

14. Calleja R., Prizzon A. Moving away from aid. The experience of Mexico. London, ODI, 2019, 55 p.

15. Prado Lallande J.P. La cooperación internacional para el desarrollo de México. Un análisis de sus acciones, institucionalización y percepciones. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, septiembre-diciembre de 2014, pp. 51-86.

16. Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М., ИМЭМО РАН, 2018, 124 с. [Gromoglasova E.S. Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovanija. [Humanitarian Diplomacy in Modern International Politics: A Systemic View] Moscow, IMEMO, 2018, 124 p.

17. Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов. *Право и управление. XXI век*. М., 2012, №3(24), сс. 63-72. [Velikaya A.A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: politicheskie aspekty otechestvennyh i zapadnyh podhodov. [International humanitarian cooperation: political aspects of Russian and Western approaches] *Pravo i upravlenie. XXI vek*. Moscow, 2012, N 3(24), pp. 63-72 (In Russ.).

18. Практика современной гуманитарной дипломатии. Под ред. Д.А. Кузнецова. М., Эдитус, 2022, 206 с. [Praktika sovremennoj gumanitarnoj diplomatii. [The modern humanitarian diplomacy practice] Ed. D.A. Kuznetsov. Moscow, Editus, 2022, 206 p.

19. Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, 2011, Vol. 93, No. 884, pp. 1211-1237.

20. Ипполитов С.С. Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. М., 2018, №2 (29), сс. 36-45. [Ippolitov S.S. Gumanitarnaja dejatel'nost' kak objekt kul'turologii: opredelenie, izuchenie, tendencii. [Humanitarian activity as an object of cultural studies: definition, study, trends] *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*. Moscow, 2018, N 2 (29), pp. 36-45 (In Russ.).

21. De Lauri A. Humanitarian Diplomacy: Research Agenda. CMI Brief. 2018. Available at: <https://www.cmi.no/publications/6536-humanitarian-diplomacy-a-new-research-agenda> (accessed: 20.01.2022).

22. Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices. *The 13th Edition of the International Conference. European Integration — Realities and Perspectives. Proceedings*. Galati, May 18 – May 19, 2018, pp. 244-250.

23. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*, 2016, Vol. 70, Issue 6, pp. 657-669.

24. La Estrategia Internacional De Mexico En La Pandemia de COVID-19: Marzo de 2020-Septiembre de 2021. Gobierno de México Relaciones Exteriores. 2021. Available at: <https://www.gob.mx/sre/documentos/la-estrategia-internacional-de-mexico-en-la-pandemia-decovid-19> (accessed: 22.01.2022).

25. Felbab-Brown V. Mexican cartels are providing COVID-19 assistance. Why that's not surprising. Brookings. 27.04.2020. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from->

chaos/2020/04/27/mexican-cartels-are-providing-covid-19-assistance-why-thats-not-surprising/ (accessed: 07.01.2022).

26. Felbab-Brown V. How the Sinaloa Cartel rules. Brookings. 04.04.2022. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/how-the-sinaloa-cartel-rules/> (accessed: 07.04.2022).

27. Worldmap of Risk 2021. The WorldRiskReport. 2022. Available at: <https://weltrisikobericht.de/weltrisikobericht-2021-e/> (accessed: 10.05.2022).

28. Prado Lallande J.P., Bilbao L.O. El sistema de cooperación internacional para el desarrollo frente a la securitización y la crisis económica global. *Relaciones Internacionales de la UNAM*, México, 2009, núm. 105, pp. 37-61.

29. Романовский В.Г. «Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2021, №1, сс. 32-46. [Romanovskiy V.G. «Grjaznye vojny», prava cheloveka i problema protivodejstviya gosudarstvennomu terrorizmu v stranah Latinskoj Ameriki. [“Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 2021, N 1, pp. 32-46 (In Russ.).

30. Новая краткая история Мексики. Под ред. А.Н. Боровкова. М., ИЛА РАН, «Весь мир», 2018, 352 с. [Novaja kratkaja istorija Meksiki. [New brief history of Mexico] Ed. A.N. Borovkov. Moscow, ILA RAN, “Ves' mir”, 2018, 352 p.

31. *Diario Oficial de la Federación*. México, 24.10.1985. Available at: https://dof.gob.mx/index_111.php?year=1985&month=10&day=24#gsc.tab=0 (accessed: 08.08.2020).

32. Sotomayor A.C. Mexico and the R2P Challenge: The Commitment Trap. *Global Responsibility to Protect*, 2016, No.8, pp. 29-50.

33. Cooperación Internacional para el Desarrollo otorgada por México en 2019. Gobierno de México. 2019. Available at: <https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2019/index.html> (accessed: 22.01.2022).

34. Косевич Е.Ю. Кризис президентского срока Энрике Пеньи Ньето. Причины превращения в «хромую утку» раньше времени. *Латинская Америка*. М., 2017, №4, сс. 45-58. [Kosevich E. Yu. Krizis prezidentskogo sroka Jenrike Pen'i N'eto. Prichiny prevrashhenija v «hromuju utku» ran'she vremeni. [The crisis of the Enrique Peña Nieto presidential term. The causes of transformation in "the lame duck" prematurely] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 4, pp. 45-58 (In Russ.).

35. Spagat E. Migrant Camps grow in Mexico amid uncertainty on US policy. ABC News. 18.11.2021. Available at: <https://abcnews.go.com/International/wireStory/migrant-camps-grow-mexico-amid-uncertainty-us-policy-81247591> (accessed: 08.12.2021).

36. Sharnak D. Why Mexico is a haven for political exiles like Bolivia's former president Evo Morales. *The Washington Post*. 8.12.2019.

37. Arrocha Olabuenaga P., de la Fuente J.R. Mexico's Priorities as an Elected Member to the Security Council for 2021-2022. Just Security. 07.07.2020. Available at: <https://www.justsecurity.org/71241/mexicos-priorities-as-an-elected-member-to-the-security-council-for-2021-2022/> (accessed: 08.08.2021).

38. DAC List of ODA Recipients Effective for reporting on 2022 and 2023 flows. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/DAC-List-of-ODA-Recipients-for-reporting-2022-23-flows.pdf> (accessed: 08.06.2022).

39. AMEXCID – Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo. Gobierno de México. 2022. Accessed at: <https://www.gob.mx/amexcid> (accessed: 22.01.2022).

40. Sistema Mexicano de Cooperación Internacional para el Desarrollo. Gobierno de México. 21.04.2016. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/acciones-y-programas/sistema-mexicano-de-cooperacion-internacional-para-el-desarrollo-29328> (accessed: 22.01.2022).

41. Interview with four experts on International Development Cooperation (IDC). Gobierno de México. 20.06.2012. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/articulos/interview-with-four-experts-on-international-development-cooperation-idc> (accessed: 08.08.2021).

42. Mexico Development Co-operation. OECD. 2022. Available at: <https://www.oecd.org/dac/dac-global-relations/mexicos-development-co-operation.htm> (accessed: 22.01.2022).

43. Mexico: Development Co-operation Profiles. OECD. 2021. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/397e2afc/en/index.html?itemId=/content/component/397e2afc/en> (accessed: 22.01.2022).

44. DAC Standards. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/dac-instruments-and-standards.htm> (accessed: 08.01.2022).
45. 1.ª Comisión Ejecutiva 2021 de Proyecto Mesoamérica. Gobierno de México. 2022. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/prensa/1-comision-ejecutiva-2021-de-proyecto-mesoamerica?idiom=es> (accessed: 22.01.2022).
46. Mexico shifts towards U.S. position on Iraq. *USA Today*. 26.02.2003. Available at: https://usatoday30.usatoday.com/news/world/iraq/2003-02-26-us-mexico-iraq_x.htm (accessed: 08.08.2021).
47. Mexico's Fox clings to neutrality on Iraq vote. *CNN World*. 10.03.2003. Available at: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/americas/03/09/iraq.mexico.reut/index.html> (accessed: 08.08.2021).
48. Kraul C. Iraq Puts Fox in a Hard Place. *Los Angeles Times*. 01.03.2003.
49. SC/7707. 27 MARCH 2003. Security Council Concludes Two-Day Debate On Military Action In Iraq; Need For Immediate Humanitarian Aid, Protection Of Civilians Stressed. UN. 2003. Available at: <https://press.un.org/en/2003/sc7707.doc.htm> (accessed: 08.08.2021).
50. Statement delivered by Mexico – Informal Interactive Dialogue on R2P, 6 September 2016. Available at: <https://s156658.gridserver.com/media/files/mexico-eng-1.pdf> (accessed: 08.08.2021).

Valentina A.Dmitrieva (valentina_dmitrieva@bk.ru)

Graduate, MA in International Relations, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),

Prospect Vernadskogo 76, 119454 Moscow, Russian Federation

The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico

Abstract: The article considers the modern humanitarian diplomacy of Mexico as a tool of its foreign policy. The author explores the specifics of Mexican modern humanitarian diplomacy while analyzing the evolution of humanitarian diplomacy in the context of national and foreign policy of Mexico, the regulatory documents, the institutional system of humanitarian diplomacy, the place of Mexico in the official development assistance system and the view of Mexico on the concept “Responsibility to Protect” (R2P). The author notes the preponderance of Mexican national interests over the humanitarian diplomacy and foreign activities of the state. It is domestic problems that foster humanitarian activity in Central American countries. Having low financial resources, Mexico focuses on domestic problems, and the government, as a result, limits the potential of humanitarian diplomacy as a tool. The author comes to conclusion that President A.M. Lopez Obrador maintains the humanitarian policy of the previous government, thus the change in geography of humanitarian diplomacy and a waiver from the chosen guidelines are unlikely.

Key words: Mexico, humanitarian diplomacy, official development assistance, international cooperation, new donors, Andres Manuel Lopez Obrador.

DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7

Received 27.04.2022.